

DOI [10.19181/nko.2022.28.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.6)

EDN [QJTZJA](https://edn.nko.ru/QJTZJA)

УДК 316.4; 323.2

С. В. Рогачев¹, К. Н. Горлов¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. Вопросы социальной консолидации в современном городе рассмотрены в контексте развития цифровых коммуникаций. Автор исследует информационно-коммуникативный аспект современных практик консолидации горожан, влияние процессов глобализации и цифровой трансформации общества на уровень социальной консолидации. Наряду с новыми возможностями, цифровизация несет и негативные социально-экономические и политические последствия и риски. На первое место из них выдвигаются расширение социального неравенства и социальная дезинтеграция. Решение проблемы – в принятии обществом и властью новой коммуникационной парадигмы. На смену классическим городским коммуникационным кластерам, локализованным по пространственному признаку, приходят новые общественные цифровые пространства консолидации – цифровые платформы, мессенджеры и социальные сети. В работе рассмотрены новые параметры коммуникативного взаимодействия, особенности коммуникаций власти и общества в условиях цифровой трансформации. Это изменение темпа общения, развитие механизмов саморегуляции и повышение интереса горожан к неформальным практикам участия в общественной жизни, изменение их роли с потребителей на генераторов контента, появление новых дискурсивных стратегий и другое. В статье сделан вывод, что именно участие в коммуникациях в цифровом пространстве обеспечивает современных горожан действенными практиками принятия решений, участия в социально-политических процессах и социальной консолидации.

Ключевые слова: социальная консолидация; цифровизация; мобильные коммуникации; цифровые коммуникации; социально-политические риски.

Для цитирования: Рогачев С.В., Горлов К.Н. Социальная консолидация в современном городе в условиях развития цифровых коммуникаций // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 75–84. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.6). EDN [QJTZJA](https://edn.nko.ru/QJTZJA)

Введение. Ранние исследователи вопросов цифровизации городской среды отказывали самим горожанам в агентности, то есть способности действовать самостоятельно и осознанно влиять на производимые ими данные. Люди представлялись лишь транспортировщиками электронных устройств, сенсорами, генераторами и единицами данных [1, с. 38]. Возвращение интереса непосредственно к горожанам, произошедшее на фоне интенсивного развития онлайн-коммуникаций, вывело на первый план вопросы социальной консолидации – неотъемлемой части процесса урбанизации современного общества.

Изучение процессов глобализации и цифровой трансформации общества, как никогда актуально сегодня в свете их влияния на уровень социальной консолидации. Это объясняется наличием глубоких противоречий цифровизации: стирая границы между социальными стратами, – она тут же возводит новые; открывая возможности, – одновременно порождает негативные социально-экономические и политические последствия и риски.

Среди последних наблюдаются сокращение численности и прекаризация работающего населения, монополизация рынков и ослабление конкуренции, усиление неравномерности экономического развития между странами, интенсификация трансграничных миграционных процессов, усиление диспропорций в распределении доходов и доступе к базовым социальным благам и правам, расшатывание демократических основ общества. Всё это ведет к расширению социального неравенства и социальной дезинтеграции.

Западные исследователи, занимаясь проблемой социальной консолидации, большее внимание уделяют масштабным социально-политическим событиям [2; 3; 4]. Отечественные учёные проявляют исследовательский интерес и к более рутинным взаимодействиям, в том числе возникающим в городских локальных сетевых сообществах, признавая за ними большую роль в механизмах самоорганизации и взаимодействия с властью [5; 6; 7].

Социальная консолидация в городском сообществе. Уровень социальной консолидации обусловлен, как правило, характером взаимодействия между элементами городских сетей. Среди них: пространства и технологические объекты, инфраструктуры и алгоритмы, люди и технологии. Размер и особенности социального вклада и отдачи для каждого конкретного элемента, несомненно, различаются, но для социальной консолидации крайне важна их субъективная реципрокность. В малых группах уровень социальной консолидации определяется исключительно повседневными коммуникациями, более крупные сети скрепляются не только межличностными отношениями, но и институционально. В любом случае, отношения между членами сообществ носят множественный характер, который подразумевает возникновение альянсов, меняющих баланс власти. Такие недолговечные (тактические) и долгосрочные (стратегические) объединения горожан позволяют им, вступая порой в неожиданные союзы, отстаивать свои интересы перед бизнесом и властью, разрешать проблемы взаимоотношений различных групп и индивидов, создавать городскую жизнь на своих условиях.

Городские сообщества – это сложные социальные образования, характеризующиеся по своему составу высокой степенью гетерогенности, а по целям, функциям и интересам своих участников – высоким уровнем дифференцированности. Тем не менее, проживание на одной территории, высокий уровень нормативного единства и – основное – непосредственное и опосредованное взаимодействие их участников в рамках профессионально-трудовых, потребительских, досуговых, гражданских, политических и иных отношений ведут к формированию коллективной идентичности. Причём это выражается более сильно в отдельных локальных сообществах внутри общегородской общности. Соответственно существует и обратная тенденция – низкий уровень включённости в локальные и общегородские коллективные практики (в том числе вследствие недостатка доверия) препятствует росту социального капитала участников городских сообществ. Низкий уровень накопленного социального капитала, в свою очередь, ограничивает консолидационный потенциал.

Характеристики социальной консолидации городского сообщества могут быть представлены тремя структурными уровнями:

- социальным;
- ценностно-символическим;
- информационно-коммуникативным [8, с. 8].

Социальный уровень представляет собой взаимодействия индивидов в ходе жизнедеятельности внутри городского сообщества. Ценностно-символический

уровень представлен различными нормами и ценностями – реальными и потенциальными характеристиками городской среды, имеющими для населения города устойчивое позитивное значение. Информационно-коммуникативный уровень заполнен множеством каналов общения и передачи информации в городской среде.

Однако следует помнить, что сама по себе успешная социальная консолидация городского сообщества не может стать гарантией достижения целевого состояния общества. Нужна кропотливая и слаженная работа власти и городского сообщества по формированию и реализации стратегических программ городского развития на принципах гражданско-государственной ответственности и межгруппового доверия между властью и обществом. И в этих условиях именно власть должна продемонстрировать свою способность решать сложные социально-экономические проблемы путем содействия, оказания помощи, координируя усилия всех заинтересованных акторов, по сути, управляя процессом завоевания политического доверия к самой себе, усиливая факторы, вызывающие позитивные эмоции у граждан, и ослабляя воздействие движущих сил, последствия проявления которых негативно воспринимаются людьми, тем самым принуждая все элементы государственной машины действовать синхронно, солидарно, социально ответственно [9; 10].

Цифровые коммуникации в городском сообществе. В функционировании и развитии городских сообществ сегодня можно выделить ряд тенденций, вносящих принципиальные изменения в конфигурацию отношений между властью и гражданами, а также между гражданами внутри их локальных сообществ. Главной из этих тенденций является цифровизация, оказывающая значительное влияние на социальную консолидацию, что хорошо прослеживается на информационно-коммуникативном уровне.

Широкое распространение цифровых коммуникаций, в том числе мобильных, всё больше влияет на практики идентификации и консолидации горожан. В связи с этим заслуженное подтверждение и развитие находит концепция общества как коммуникации Никласа Лумана [11, с. 115]. Исследуя городское пространство и коммуникативные отношения между его жителями, Луман предлагает считать элементарными единицами общества коммуникации, а не индивидов. С этой точки зрения город предстает в виде сложной системы коммуникаций, состоящей из различных элементов. Каждый элемент пользуется относительной независимостью, является цельным, выделяет себя из гетерогенного окружения, но соотносит себя с неким множеством, идентифицируя себя по профессии, территориальному признаку, топографической или функциональной пространственной территории и т.п.

Исследователи установили, что привычные (классические) городские коммуникационные кластеры, как правило, локализованы по пространственному признаку. Для горожан они образуются естественным образом вокруг мест их проживания, учёбы или работы, магазинов и рынков, парков, клубов и фитнес-центров. В модели городских коммуникаций доцифровой эпохи перечисленные и подобные им пространства являлись своего рода локациями городских идентичностей [12, с. 5]. Однако в эпоху цифровой трансформации общества меняются и пространства социальной консолидации.

Коммуникационный аспект цифровизации выражается, в первую очередь, в охвате интернетом всё более широких слоев горожан и вовлечении их в деятельность разных коммуникационных сервисов и платформ – как официальных, создаваемых государственными и муниципальными структурами для упрощения

процесса оказания услуг, так и неофициальных – различных пабликов и сообществ, создаваемых с целью трансляции и формирования общественного мнения.

В 2021 году количество жителей планеты Земля, активно пользующихся социальными сетями превысило отметку в 4,5 млрд человек¹. Суточная аудитория интернета на тот же год, по данным мониторинга фонда «Общественное мнение», составляет 68%. Эта доля остается стабильной на протяжении последних двух лет. Согласно тому же опросу, никогда не пользовались интернетом 24% россиян (годом ранее – 21%). Среди молодёжи 18–30 лет доля суточной аудитории интернета составляет 95%². Ежедневной аудиторией социальных сетей являются 57% россиян³.

Таким образом, виртуальные коммуникации стали неотъемлемой частью повседневности россиян, а в молодёжной среде они во многом определяют ключевые форматы общения. Цифровизация определяет среду коммуникации, задает определенные процедуры и параметры её организации. Массовость присутствия городского населения в социальных сетях и на других коммуникационных платформах очень сильно повлияла на ряд характеристик коммуникации, которые и формируют зоны социальной конъюнкции и дизъюнкции в городском сообществе.

Появление цифровых общественных пространств. Ещё П. А. Сорокин отмечал, что социальное пространство города значительно отличается от пространства географического [13]. Очевидно, что сегодня городские пространства приобретают всё менее физический и более виртуальный характер. В результате происходит обесценивание физического пространства как точки консолидации. Для коннективных действий, решения проблем, обсуждения вопросов больше не нужно физически собираться вместе, списываться или созваниваться. Цифровые средства мобильной коммуникации, онлайн-платформы и мессенджеры позволяют горожанам создавать микрогруппы для взаимодействия в индивидуализированном обществе. Причём горожане могут сами выбирать роль – быть пассивным приемником информации или формировать повестку, общаться индивидуально в личных сообщениях или в групповом чате, одобрять и комментировать действия других или блокировать определенных коммуникантов в «черном списке».

Чаты и беседы в WhatsApp, Telegramm, Viber и других мессенджерах позволяют оперативно и с высокой прагматической эффективностью участвовать в обсуждении проблем различным социальным агентам. Причём старые (доцифровые) признаки, объединяющие их в коммуникационные кластеры, больше не играют значения. Сотрудники предприятий и организаций, родители учеников школы, жители многоквартирного дома, посетители спортивного клуба, клиенты туристического агентства собираются на новых «цифровых общественных пространствах». В формате видео-конференцсвязи проходят заседания городского Совета, в видеочатах проходят круглые столы и конференции университета, в мессенджерах – обсуждения производственных проблем в коммерческой компании, в группе социального медиа – принятие жителями района решения о заключении договоров с управляющей компанией и т.п.

На цифровых коммуникационных площадках, благодаря их технологиче-

¹ Аудитория социальных сетей и мессенджеров в 2021-2022 году // SkillFactory.Блог. URL: <https://u.to/rFN1HA> (дата обращения: 10.08.2022)..

² Источники информации: интернет // ФОМ. 10 февраля 2021. URL: <https://u.to/wFN1HA> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 // BrandAnalytics. 18 ноября 2021. URL: <https://u.to/01N1HA> (дата обращения: 10.08.2022).

ским свойствам (мульти-modalность, моментальность, симультанность, доступность и сохранность сообщений, управляемость), решаются традиционные социально-политические задачи, что делает их точками общественной консолидации нового порядка. При этом, появление цифровых пространств консолидации в определенном смысле меняют философию и прагматику социального взаимодействия.

Теперь состоять в чате или принадлежать группе социальной сети означает быть включённым в сообщество. Горожане, номинально принадлежащие к той или иной группе, но при этом не включённые в её цифровую проекцию – онлайн-сообщество, фактически выпадают из важных коммуникационных процессов, не участвуют в коммуникативных практиках принятия решений и символических процессах определения ситуаций [14, с. 787]. Таким образом, физического присутствия на той или иной городской территории и функционального участия в деятельности некоего городского сообщества уже недостаточно для активного включения в социально-политическое взаимодействие внутри этого сообщества и участия в процессах консолидации. Соответственно, физическое отсутствие как таковое не мешает консолидации членов сообщества, так как значимым теперь является не физическое, именно коммуникационное присутствие индивидов (функциональное или институциональное).

Новые консолидирующие практики предполагают иной уровень организации коммуникаций, кодификации и темпоральных параметров. Взаимодействие на цифровых площадках становится эффективным только при обеспечении достаточной скорости и непрерывности реагирования на сообщения, адекватной их интерпретации в соответствии с принятыми в сообществе правилами. Если соответствующе не отреагировать на сообщение, может последовать исключение коммуниканта из процессов и решений, значимых для сообщества. Темп современной цифровой коммуникации также не позволяет давать запоздалую реакцию на сообщение – скорее всего, она будет уже не актуальна.

Управление социальной консолидацией в городе: особенности и вызовы цифровизации. Пытаясь контролировать уровень социальной консолидации и влиять на него, власть должна учитывать изменения в характере своих взаимоотношений с обществом, произошедшие вследствие цифровизации городских сообществ, а именно:

- резкое сокращение временного промежутка от фиксации локальных проблем до их перехода в информационное пространство местного сообщества и, следовательно, такой же по интенсивности рост запроса на оперативную реакцию власти на проблемы;
- распространение феномена готовности к совместным действиям без явного лидерства (приоритет горизонтальных связей над вертикальными), повышение уровня самоорганизации (развитие механизмов саморегуляции и самоидентификации) горожан;
- многократный рост мобилизационного потенциала городских и локальных сообществ посредством коммуникации в социальных сетях и мессенджерах и, соответственно, рост социальной субъектности заинтересованных в личном гражданском участии горожан и их групп, сформированных как на постоянной, так и на ситуативной основе;
- повышение интереса городского населения к неформальным практикам участия в жизни сообщества, возникающего на фоне падения доверия к деятельности органов местного самоуправления и институциональным формам участия в нём;

- выход политического дискурса в онлайн-пространство, но тенденция к замещению политической проблематики социальной и бытовой (политические городские персоналии вызывают интерес чаще в случае отрицательных информационных поводов);
- потеря официальной властью и СМИ привилегированного права на создание контента и определения социально-политической повестки; стирание грани между потребителем и создателем цифрового контента – изменение роли горожанина с пассивного наблюдателя на активного создателя социально-политической повестки;
- появление новых дискурсивных стратегий, приемов манипулирования информацией (рост фейков и их влияния, феномен постправды);
- открытость влиянию лидеров общественного мнения и недоверие к «сомнительным» (зачастую официальным) источникам;
- значительный рост открытости процесса принятия решений и рост запроса на открытость, прозрачность системы городского управления.

Несмотря на понимание властью сути консолидации и вполне реальной оценки её уровня, достижение её зачастую не воплощается в практические решения и действия. За ворохом повседневных задач, проблема оформления консолидационных практик рассматривается властью как вторичная, к тому же приводящая к росту информационно-аналитической управленческой нагрузки. Такое положение усугубляется хронической недостаточностью ресурсов, навыков и опыта. При этом следует заметить, что излишнее увлечение только технической стороной управления городом не приводит к образованию должного синергетического эффекта, усугубляет социальное разъединение.

Отмеченные процессы и тенденции оказывают противоречивое влияние на социальную консолидацию в городских сообществах как на горизонтальном, так и на вертикальном уровнях и содержат в себе ряд рисков. Так, развитие информационно-коммуникационных платформ и упрощение группообразования и мобилизации в целях решения локальных проблем обладают существенным потенциалом укрепления межличностного доверия, но в то же время могут служить и средством конфронтации и поляризации позиций участников сообщества по тем или иным вопросам. Многократный рост мобилизационного потенциала городских и локальных сообществ посредством социальных сетей и мессенджеров в ряде случаев оборачивается вспышками массовых психозов и паники. Ярким примером такого поведения людей может служить ситуация вокруг закупок гречки при начале пандемии COVID-19 в 2020 году и сахара при начале спецоперации 2022 года.

Прозрачность процесса принятия решений и переход коммуникации власти и сообщества в виртуальное пространство зачастую формируют у граждан завышенные ожидания от власти, а применительно к последней требуют значительного объема временных и других ресурсов на процесс коммуникации с гражданами. При этом любой сбой в коммуникации, утаивание или искажение информации, отклонение реальности от виртуальной картинки может трактоваться обеими сторонами как преднамеренная дезинформация и подрывать доверие между сторонами коммуникации.

Упомянутые выше пандемия и спецоперация, а вернее их «отражение» в информационном пространстве стали во многом показательными для демонстрации возможностей виртуальной коммуникации как в отношении позитивных, так и негативных социальных эффектов. Информация о вспышках COVID-19, о необходимости и последствиях вакцинирования, распространяемая в социальных сетях в первые недели пандемии, зачастую имела негативную окраску

и критическую направленность в отношении системы здравоохранения и власти. Это способствовало атомизации и «капсулированию» граждан, что имело очевидное отрицательное влияние на уровень социальной консолидации.

Виртуальная коммуникация властей зачастую формирует у представителей городских сообществ когнитивный диссонанс из-за несоответствия информационной картинке реальной ситуации. При различных реформах и реорганизациях городской среды власть нередко сознательно или бессознательно идентифицирует конечные цели с промежуточными результатами, в то время как для непосредственных участников городских процессов цели абстрактны, а истинной значимостью наделяются именно повседневные практики. Например, в г. Мичуринске Тамбовской области триггером определенного раскола городского сообщества и формирования неприятия действий власти стал неоднозначный по результатам и процессу реализации проект строительства путепровода, срок реализации которого всё время отодвигался. Однако с другой стороны, как показало исследование, проведенное в Институте государственной службы и управления РАНХиГС в декабре 2021 года, по большей части население г. Мичуринск представляет собой аморфное и инертное сообщество, «...не склонное проявлять себя ни в отношении ко всему обществу, ни в части стремления к новому, разуверилось в возможности построить свое будущее и растормозить его будет чрезвычайно трудно» [15].

Избыток коммуникации и информации вызывают у пользователей очевидную усталость и поверхностность восприятия, а противоречивость информации – опять-таки, утрату доверия к любой информации, выходящей за пределы уже сформировавшихся у людей и их групп ценностей и аттитюдов.

Синдром социальной активности – привычка к постоянному общению, участию в различных мероприятиях, неумением расслабляться и информационно разгружаться – дополняет общую картину психологических рисков как последствий жизни в информационно перегруженной цифровой среде.

Угрозы социальной консолидации таят в себе программы социального доверия, пилотной территорией внедрения которых является сейчас Китай, где при помощи цифровых технологий слежения за населением определяется социальный рейтинг граждан. Ловушкой подобных рейтингов является их способность к воспроизводству асоциального поведения граждан за счет социального давления и порицания.

Заключение. Сегодня информация и доступ к цифровым технологиям, а не собственность, финансовый капитал, властные полномочия или вероисповедание становятся главным критерием социальной дифференциации. Новый фактор социальной консолидации отныне заключается в потенциале самих людей усваивать информацию и использовать в своей повседневной деятельности знания и технологии, в возможности доступа к новым средствам коммуникации.

Несмотря на наличие определенных социально-политических рисков, позволим себе не согласиться с некоторыми исследователями, которые утверждают, что консолидация сегодня приносится в жертву цифре, эффективно разъединяющей общество [16, с. 15]. Цифровизация может разобщать общество и порождать новые формы неравенства и сегрегации, но её интегрирующий потенциал всё же больше. Активное включение горожан в практики онлайн-коммуникации на цифровых платформах приводят к появлению новых цифровых пространств консолидации городских сообществ.

Сегодня именно участие в коммуникациях в цифровом пространстве, а не классическая пространственная (физическая) локализация индивида, обеспе-

чивает современных горожан действенными практиками принятия решений, участия в социально-политических процессах и социальной консолидации. Для обеспечения эффективности процессов социальной консолидации, необходимо учитывать особенности трансформации взаимоотношений горожан друг с другом и властью, происходящие вследствие цифровизации городских сообществ.

Библиографический список

1. *Gabrys J.* Programming Environments: Environmentalty and Citizen Sensing in the Smart City // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2014. Vol. 32, № 1. Pp. 30–48. DOI [10.1068/d16812](https://doi.org/10.1068/d16812).
2. *Špačková P., Ouředníček M.* Spinning the web: New social contacts of Prague's suburbanites // *Cities. The International Journal of Urban Policy and Planning*. 2012. Vol. 29, № 5. Pp. 341–349. DOI [10.1016/j.cities.2011.09.002](https://doi.org/10.1016/j.cities.2011.09.002).
3. *Capece G., Costa R.* The new neighborhood in the internet era: network communities serving local communities // *Behaviour & Information Technology*. 2013. Vol. 32, № 5. Pp. 438–448. DOI [10.1080/0144929X.2011.610825](https://doi.org/10.1080/0144929X.2011.610825).
4. *Andrews F. J., Johnson L., Warner E.* “A tapestry without instructions”. Lived experiences of community in an outer suburb of Melbourne, Australia // *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. 2018. Vol. 11, № 3. Pp. 257–276. DOI [10.1080/17549175.2017.1363077](https://doi.org/10.1080/17549175.2017.1363077).
5. *Павлов А. В.* Локальные городские сообщества в социальных сетях между «соседской» и «гражданской» коммуникацией // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016. № 5. С. 46–57. EDN [ZRWUWX](https://www.edn.ru/ZRWUWX).
6. *Давыдов С. Г., Логунова О. С.* Сообщества московских районов в социальных медиа: контент и его модерация // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 1(143). С. 204–221. DOI [10.14515/monitoring.2018.1.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.10). EDN [YQUCPN](https://www.edn.ru/YQUCPN).
7. *Запорожец О. Н., Базина Я. А.* Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19, № 2. С. 269–284. DOI [10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284](https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284). EDN [MDUFSR](https://www.edn.ru/MDUFSR).
8. *Тулиганова И. В.* Социокультурное пространство современного города : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Тулиганова Ирина Валерьевна. Саратов, 2009. 17 с. EDN [QGQSQH](https://www.edn.ru/QGQSQH).
9. *Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Латин А. В.* Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2(162). С. 162–185. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917). EDN [FQBHLX](https://www.edn.ru/FQBHLX).
10. *Ильичева Л. Е., Латин А. В.* Доверие к власти и социально-политическая консолидация общества // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 3. С. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4). EDN [UZXUSM](https://www.edn.ru/UZXUSM).
11. *Луман Н.* Что такое коммуникация? // *Социологический журнал*. 1995. № 3. С. 114–124. EDN [UCVINB](https://www.edn.ru/UCVINB).
12. *Байжанова Г. А.* Пространственная самоорганизация населения крупных городов: социокультурный аспект // *Universum: общественные науки*. 2020. No. 3(63). С. 4–6. EDN [EOALBU](https://www.edn.ru/EOALBU).
13. *Сорокин П. А.* Система социологии. Москва : Астрель, 2008. 1003 с. ISBN 978-5-271-14765-4. EDN [QOHQUL](https://www.edn.ru/QOHQUL).
14. *Кожемякин Е. А.* Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46, № 4. С. 785–789. DOI [10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789). EDN [QCXFOR](https://www.edn.ru/QCXFOR).
15. *Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Латин А. В.* Ценностные детерминанты социальной напряженности в российских регионах // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18, № 4 (в печати).
16. *Бобков А. И., Бобков А. А.* Поиск консолидирующего сакрального пространства этнокультурной идентичности в городе индивидуализированной массы // *Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды : Сб. науч. работ / Под ред. В. П. Бабинцева. Белгород : ООО «Константа», 2021. С. 10–16. EDN [RKIGFJ](https://www.edn.ru/RKIGFJ).*

Дата поступления в редакцию: 02.10.2022.

Принята к печати: 28.10.2022.

Сведения об авторах:

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
e-mail: rogachev33@mail.ru
Author ID РИНЦ: 583506
ORCID: 0000-0002-3991-813X

Горлов Константин Николаевич, соискатель, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; председатель Мичуринского городского Совета депутатов Тамбовской области. Москва, Россия.
e-mail: gorlov@cit-tmb.ru
Author ID РИНЦ: 1055888

S. V. Rogachev¹, K. N. Gorlov¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

SOCIAL CONSOLIDATION IN THE MODERN CITY IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL COMMUNICATIONS

Abstract. The issues of social consolidation in a modern city are considered in the context of the development of digital communications. The author explores the information and communication aspect of modern practices of consolidation of citizens, the impact of the processes of globalization and digital transformation of society on the level of social consolidation. Along with new opportunities, digitalization also carries negative socio-economic and political consequences and risks. The expansion of social inequality and social disintegration are put forward in the first place. The solution to the problem lies in the adoption by society and the authorities of a new communication paradigm. New public digital consolidation spaces – digital platforms, messengers and social networks – are coming to replace the classic urban communication clusters localized on a spatial basis. The paper considers new parameters of communicative interaction, features of communication between government and society in the context of digital transformation. This is a change in the pace of communication, the development of self-regulation mechanisms and an increase in the interest of citizens in informal practices of participation in public life, a change in their role from consumers to content generators, the emergence of new discursive strategies, and more. The article concludes that it is participation in communications in the digital space that provides modern citizens with effective decision-making practices, participation in socio-political processes and social consolidation.

Keywords: social consolidation; digitalization; mobile communications; digital communications; socio-political risks.

For citation: Rogachev S.V., Gorlov K.N. (2022) Social consolidation in the modern city in the development of digital communications. Science. Culture. Society. Vol. 28. No 4. Pp. 75–84. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.6

References

1. Gabrys J. (2014) Programming Environments: Environmentality and Citizen Sensing in the Smart City. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 32. No. 1. Pp. 30–48. DOI [10.1068/d16812](https://doi.org/10.1068/d16812) (in Eng.).
2. Špačková P., Ouředníček M. (2012) Spinning the web: New social contacts of Prague's suburbanites. *Cities. The International Journal of Urban Policy and Planning*. Vol. 29. No. 5. Pp. 341–349. DOI [10.1016/j.cities.2011.09.002](https://doi.org/10.1016/j.cities.2011.09.002) (in Eng.).
3. Capece G., Costa R. (2013) The new neighborhood in the internet era: network communities serving local communities. *Behaviour & Information Technology*. Vol. 32. No. 5. Pp. 438–448. DOI [10.1080/0144929X.2011.610825](https://doi.org/10.1080/0144929X.2011.610825) (in Eng.).

4. Andrews F. J., Johnson L., Warner E. (2018) "A tapestry without instructions". Lived experiences of community in an outer suburb of Melbourne, Australia. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. Vol. 11. No. 3. Pp. 257–276. DOI [10.1080/17549175.2017.1363077](https://doi.org/10.1080/17549175.2017.1363077) (in Eng.).
5. Pavlov A. V. (2016). Local city communities in social networks: between «neighbor» and «civil» communication. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy*. No. 5. Pp. 46–57 (in Russ.).
6. Davydov S. G., Logunova O. S. (2018) Moscow districts' social media communities: content and its moderation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 1. Pp. 204–221. DOI [10.14515/monitoring.2018.1.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.10) (in Russ.).
7. Zaporozhets O. N., Bagina Y. A. (2021) How Hopes Build the Civic Infrastructure of New Residential Areas. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. Pp. 269–284. DOI [10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284](https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-269-284) (in Russ.).
8. Tuliganova I. V. (2009) *Sociocultural Space of a Modern City*. Abstract of Candidate Degree Thesis. Saratov. 17 p. (In Russ.).
9. Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin, A. V. (2021) Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 2(162). Pp. 162–185. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917) (in Russ.).
10. Ilyicheva L. E., Lapin A. V. (2022) Trust in the authorities and social consolidation of society. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 3. Pp. 50–67. DOI [10.19181/nko.2022.28.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.3.4) (in Russ.).
11. Luhmann N. (1995) Was ist Kommunikation? *Sociological Journal*. No. 3. Pp. 114–124 (in Russ.).
12. Bayzhanova, G. A. (2020). Spatial self-organization of the population of large cities: a socio-cultural aspect. *Universum: obshchestvennye nauki*. No. 3(63). Pp. 4–6 (in Russ.).
13. Sorokin P. A. (2008) *System of Sociology*. Moscow, Astrel Publ. 1003 p. ISBN 978-5-271-14765-4 (in Russ.).
14. Kozhemyakin E. A. (2021) Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens. *Nomothetika: Philosophy, Sociology, Law*. Vol. 46. No. 4. Pp. 785–789. DOI [10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789](https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789) (in Russ.).
15. Ilyicheva L. E., Kondrashov A. O., Lapin, A. V. (2022) Value determinants of social tension in Russian regions. *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 18. No. 4 (in print) (in Russ.).
16. Bobkov A. I., Bobkov A. A. (2021) Search for a consolidating sacred space of ethnocultural identity in the city of individualized mass. In: *Sotsial'naya konsolidatsiya gorodskikh soobshchestv: vozmozhnosti i ogranicheniya v usloviyakh digitalizatsii urbanizirovannoi sredy* [Social Consolidation of Urban Communities: Opportunities and Limitations in a Digitalized Urban Environment]. Col. of scientific works. Ed. by V. P. Babintsev. Belgorod, "Konstanta" Publ. Pp. 10–16 (in Russ.).

The article was submitted on October 02, 2022.

Accepted on October 28, 2022.

Information about the authors:

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

Moscow, Russia.

e-mail: rogachev33@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3991-813X

Konstantin N. Gorlov, PhD applicant,

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS;

Chairman of the Michurinsk City Council of Deputies of the Tambov Region.

Moscow, Russia.

e-mail: gorlov@cit-tmb.ru